

ЭДУАРД ВЕРКИН

Остров последнего злодея

КОСМИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Черничная Чайка

Эдуард Веркин

Остров последнего злодея

«ЭКСМО»

Веркин Э. Н.

Остров последнего злодея / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
— (Черничная Чайка)

Итак, будущее наступило. Правда, оно совсем не похоже на фантастические романы – ни тебе космических войн, ни тебе глобальных катастроф... Жизнь внезапно оказалась смертельно скучной. Но человечество еще об этом пожалеет! Ведь Антон Уткин, последний хулиган во Вселенной, не боится бросить вызов всему хорошему, доброму и правильному. Но что может один начинающий злой гений? Антон решил начать с рискованного эксперимента на тропическом острове...

© Веркин Э. Н.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Веркин

ОСТРОВ ПОСЛЕДНЕГО ЗЛОДЕЯ

Глава 1

В «Батискафе»

Началось все в «Батискафе».

Все приличные истории начинаются в более приличных местах и при более драматичных обстоятельствах. Допустим, на корабле. На красивой яхте, допустим. Поймают люди акулу, пузо ей вспорют, а там бутылка. А в бутылке, само собой, записка. Про то, что судно такое-то потерпело крушение, что герои спаслись на островах, вот только координаты этих островов напрочь водичка разъела, а вообще поспешите, людоеды уже подбираются. Ну и вперед – целая компания всяких там сэров и пэров отправляется в путешествие вокруг света.

Или детишки в одном милом провинциальном городишке вдруг замечают, что взрослые начинают вести себя как-то ненормально. Никто не курит, не ругается, все классическую музыку слушают и флористикой занимаются. И постепенно становится ясно, что это они – пришельцы. И детки берутся за оружие.

Или метеорит загадочный падает, и прямо на коровник...

Все красиво, все нормально, как в старину говорили – культурненько, как у людей. А у меня как всегда. Через пятку. А между тем эта история имела наисерьезнейшие последствия. И не только для меня.

Впрочем, буду рассказывать по порядку.

«Батискаф»!

Кто только такое название придумал? «Батискаф», видите ли! А почему не «Саркофаг»? А почему не «Туляремия»? «Бешенство енотов»? «Желтая плесень»? А почему не «Дубрава»?

И что самое главное – никаких батискафов на тысячу миль в округе нет, последний затонул еще во времена реактивных самолетов, когда... Ну да ладно, началось все как раз с этого самого «Батискафа».

Вообще-то меня выгнали из дискуссионного клуба «Батискаф» еще зимой, в феврале. По причине совершенно вздорной, между прочим, жалкой, поражающей своей ничтожностью. Тогда как раз была моя очередь делать доклад на свободную тему.

Как работает дискуссионный клуб? Кто-нибудь придумывает тему, пишет доклад, высасывает из пальца аргументы, все остальные говорят, что это не доклад, а чушь, что такому докладу место в... Одним словом, стоит его сбросить со звездолета современности. Задача же докладчика – всех переспорить, всех перебодать. Доказать, что все остальные дураки, круглые бестолочи и квадратные полумозгики, один он, Стрыгин-Гималайский, весь с ног до головы в аметистах, платине и в прочем сиянии.

Кто переспорит – тот и победил. Кто победил сокрушительно, того могут отправить на региональные соревнования, в саму Костомукшу, а потом, может, даже и на Луну – на Луне, как известно, самые свирепые спорщики. В прошлом году в полуфинале системной олимпиады «Большой Спор» страсти накалились так, что один лунный Цицерон одного земного Цицерона укусил за голову. А вообще-то считается, что в спорах оттачивается мыслительный аппарат и иногда даже рождается истина.

И вот стало так – Потягин Виталий, лидер дискуссионного клуба «Батискаф», сумел доказать, что между землетрясениями и поведением тигровых креветок в глубинах морей, оказывается, есть связь. Поразил всех в гипоталамус, я спать два дня не мог, все думал, думал, не мог

поверить, – это один Потягин такой идиот или все остальные тоже? Ну и не утерпел, написал по этому поводу. Целую неделю старался, каждый вечер после уроков подбирал аргументы, приводил исторические прецеденты, ссылаясь на труды разных древних философов, от которых даже ДНК в костях уже не осталось.

Написал и зачитал, взойдя на трибуну. Доклад мой назывался «Записка о креветочном скудоумии». Подробно, обоснованно и, что самое главное, убедительно я доказывал, что все члены дискуссионного клуба «Батискаф», включая Потягина Виталия, умственно отсталые, отягощенные комплексами и маниями недотепы, годные только на то, чтобы работать в меркурианских лишайниковых оранжереях.

Доклад выслушали в молчании.

Спорить со мной не решился никто. Доказывать, что ты не дурак, – самая глупая и бесполезная штука во Вселенной. Если ты начинаешь горячо доказывать, что ты не дурак, все окружающие тут же начинают думать, что ты как раз и есть самый распоследний дурачище, просто гигант дурачизма, столп, Иванушка Туполяйнен собственной персоной. Так что мне никто не возражал.

Я победил. Но злобу эти коварные батискафовцы затаили. Они вынуждены были делегировать меня на зональные соревнования в Костомукшу, где я, к своему удивлению, тоже одержал победу – на всех участников навалился неизвестный штамм желудочного гриппа, остался один я и девочка из Аддис-Абебы, конечно же, я с ней справился. И как самый лучший спорщик получил Лунную Карту – она позволяла мне в течение ближайших пяти лет участвовать в Большом Споре – соревновании дискуссионных клубов всей Солнечной системы.

Встретили меня безо всякого триумфа, ни позолоченных колесниц, ни лепестков роз, ни фанфар и литавр. Мрачный Потягин предложил мне добровольно отдать Лунную Карту клубу, я предложил ему добровольно посетить Нептун.

После этого единогласным решением меня из клуба вышибли.

Честно говоря, я не очень расстроился, мне уже самому все это надоело. Я тогда как раз обдумывал одну идею...

Тогда я серьезно интересовался новейшей историей, в частности японской. И очень меня занимала печально известная Токийская Давка. Собрал материалы, загрузил в считалку, повертел так, повертел сяк – все получалось. И подтверждало мою теорию сверхразумной достаточности. Смысл теории прост – история всегда выбирает самые лучшие варианты. Какими бы ужасными они ни казались современникам, но, с точки зрения Будущего, варианты эти были наилучшими. Вот взять ту же Хиросиму. Атомную бомбардировку. Ужасные жертвы, жуткие последствия. Но с тех пор ядерное оружие не применялось больше никогда. А если бы не бомбили? Если бы пустили в ход через двадцать лет? Накопили бы атомных бомб побольше, настроили бы ракет, да как начали бы пулять направо-налево...

И все.

Или та же Токийская Давка. Деятнадцать тысяч задохнулись, реанимировать не удалось. Трагедия. Буквально через три года аналогичная ситуация повторилась в Филадельфии. Только народу было в тринадцать раз больше, и почти треть – дети малолетние. Но с учетом печального японского опыта более масштабную катастрофу удалось предотвратить.

Я даже работу написал небольшую на эту тему, назвал «Принцип ящерицы». Ну, типа, ящерица всегда жертвует малым – чтобы сохранить жизнь, отбрасывает хвост. Послал в «ВопИс». А они взяли и напечатали. Но только не в рубрике «Новое в науке», а в рубрике «Скрижали лженаук».

Очень я на них тогда разозлился. Даже от подписки на полгода отказался. Девять лет «Вопросы Истории» выписывал, благоговел с начальной школы, а они мне такой шпицрутен вкорежили.

Так вот, очень я тогда был зол. Ходил по дому, как пантера, ботов распугивал, родители волновались.

А потом погулять выглянул. Гуляю, смотрю: на тумбе объявление – опять! Дискуссионный клуб «Батискаф» проводит заседание на тему «Искоренено ли зло?» Доклад делает Виталий Потягин.

Я даже за щеку сам себя укусил. Потягин был самым главным моим врагом! Ну не то чтобы врагом в высоком, историческом значении этого слова. Так, вражком. Можно сказать, даже овражком. О который споткнулся я, шествуя к вершинам. Впрочем, даже и не споткнулся, так, перешагнул, не заметив этой мелкой неровности...

И врагом Потягин был отнюдь не только из-за того, что выгнал меня из «Батискафа», много другого за ним числилось.

Однажды Потягин назвал меня кривошлыком. Поганое словечко, в духе Потягина, потом я проверил специально – в словарях не было такого слова. Ради того, чтобы меня оскорбить, Потягин напряг свой мозг. Удивительно. Непростительно.

Однажды, на Весеннем Балу, я пустился ухаживать за Викой, красавицей и умницей, она даже сказки какие-то там сочиняла. А этот Потягин как вспрыгнет! И давай что-то про космофольклор, про дядю своего всемирно известного, Вика так уши и развесила, лапша. Потерпел я, короче, поражение.

Однажды участвовали в гонках. Чемпионат города среди юниоров, Super GP, между прочим. Так это насекомое уело меня на полтора корпуса.

Короче, ненавидел я его повсеместно.

И едва только прочитал объявление, как сразу для себя решил – иду.

Отправился в «Батискаф». Пришел, взял лимонад, устроился себе в уголочке, сидел, мимикрировал. Дискурсанты подтягивались помаленьку. Меня не замечали, слишком погружены были в свои великие раздумья. Все эти простейшие, все мои недруги, зло.

Ну вот, к примеру, Урбанайтес Фома, на него без смеха смотреть вообще нельзя, в позапрошлом году он составил лучшую икебану из еловых шишек. Я бы его взял и самого в шишку переделал, благо технологии позволяют. И посадил бы где-нибудь на Барбадосе, пушай произрастает. И еще технику любит, учится на пилота.

Или Ахлюстин. Ярослав. Да по мне хоть Изяслав, главное, что не баран. А Ахлюстин баран. Животных любит и сам похож на барана, того и гляди пастись побежит, эдельвейсы пережевывать. И еще боксер.

Или вот еще...

Остальные тоже не лучше, не заслуживают, чтобы я перечислял все их жалкие фамилии, имена и поступки.

Да, в дискуссионный клуб ходят, кстати, одни мальчишки. Ну почти одни. Есть некая Октябрина Иволга, девушка с зелеными глазами, но тоже в общем-то дура, кажется, в Ахлюстина влюблена. Или в Урбанайтеса. В кого-то, короче. Она тоже пришла.

Вот собрались они, расселись поудобнее, блокноты достали – заметки, значит, писать будут, чтобы потом каверзные вопросы задать. Так тихо стало, что даже удав из террариума высунулся – глянуть, может, сожрать кого есть?

А этот Потягин уже на трибуну взобрался, папочку развернул, нацепил очки...

Тут я чуть не расхохотался. Зачем ему очки? У нас у всех зрение сто сорок процентов, практически как у ястребов, зачем очки? А для того, чтобы умнее казаться. Типа, профессор, мегамогз какой-то в одном отдельном черепе.

Потягин между тем откашлялся и запустил свой доклад.

Сначала он немного рассказал о зле. Что такое зло. Зло в теории, зло в практике, зло вчера, зло, вернее, его отсутствие, сегодня, тыры-пыры, бла-бла-бла...

Я сидел и терпел. Достал книжечку «Отсечение языка», автор проф. Мессер, читал. Моя любимая книжка, карманная. Проф. Мессер не поленился и каким-то образом вытащил из глубины веков все те словечки, что были вычищены из языкового пространства реформами конца двадцать первого века. Вытащил все то, что безжалостно вырезали ханжеские пуристы-филологи, что бездумно вышвырнули на свалку лингвисты-вивисекторы, что похоронили в своих бредовых пирамидах структуралисты-человеконенавистники. Вытащил, любовно почистил, снабдил комментариями и выстроил в систему, не по порядку, а по смыслу. На первом месте слово «блин», великое и могучее, как красная тряпка быка раздражающая адептов пыльной псевдоакадемической...

Раздались аплодисменты, я оторвался от «Отсечения». Потягин скромно кланялся на трибуне, лучился, как полтонны радия.

Затем он сделал такое успокаивающее движение руками, уймись, мол, обезьянки, папа закончил выступление, пришло время для крепкого спора, время скрестить копыя.

И они принялись спорить. Так вяло и скучно, что даже несколько мух покончили с собой от безнадежности – взлетели под потолок, а потом со всего размаха о стену расшиблись. Я тоже чуть не расшибся, но потом подумал – не зря я ведь сюда приперся, надо что-то делать. Меня выручило «Отсечение», оно довольно часто меня выручает. Открыл наугад, гляжу – слово «баклан».

Тут же у меня в голове картина возникла: птичий базар, собрались эти самые бакланы и бакланят, бакланят, вот прямо как члены удивительного по своей бессмысленности дискуссионного клуба «Батискаф». Им не «Батискафом» стоило назваться, а «Бакланоскафом».

Слово тем временем взял Урбанайтес, повелитель шишек и большой специалист по злу, видимо. И давай шпарить прямо с места – зла нет. Зла нет, потому что его не было никогда, на самом деле зло – это всего лишь наименьшая степень добра, об этом писал еще сам Блаженный Августин...

– Баклан! – громко сказал я.

Они все тут же в мою сторону обернулись и насупились, будто на заседание вегетарианской лиги проник саблезубый тигр Барсик.

– Баклан! – повторил я. – Баклан ты, и твой Августин тоже. Не знаешь, что бормочешь! Зло – есть!

– Опять приперся... Этого нам только не хватало... Давайте его отлупим...

Примерно такие реплики прозвучали в зале.

– Зло есть, – повторил я, – а вы похожи на хор самураев-инвалидов. Такие же глупые рожи. Знаете, вот вы тут обзываетесь «Батискафом», я бы на вашем месте прибавил бы к этому гордому имени прилагательное «чугунный». «Чугунный Батискаф» – это как раз про вас.

– У нас тут дискуссия вроде... – нерешительно пробормотал Урбанайтес.

– У вас тут базар вроде. Я бы на вашем месте...

Октябрина Иволга перебила меня взвизгом:

– Давайте его выведем! Мальчики, что же вы?!

Урбанайтес и Ахлюстин, шишколюб и боксер-любитель, эта пара батискаф-самураев двинулась было ко мне, но я их предупредил:

– Приблизившихся чрезмерно буду дефенестрировать!

– Чего? – глупо промычал Урбанайтес.

– Выкидывать в окно, – пояснил я.

– Мальчики! – воззвала Иволга еще пронзительнее.

– Иволга, а кричишь, как киви-киви, – срубил ее я. – И вообще помолчи, когда мужчины разговаривают, а то лишу мармелада.

Октябрина немного оторопела, а я стал пробираться к кафедре. При этом я громко, чтобы слова истины влетели в их заскорузлые уши и уж тем более в их заскорузлые души, говорил:

– Зло существует. Это точно. Вот тут мосье Потягин почти двадцать минут старался убедить почтеннейшую публику в том, что его нет. Что оно было, но когда-то давно, потом рассосалось, теперь все добрые, как бабочки, теперь все друг друга любят-уважают...

– А давай я тебе вмажу.

Это Ахлюстин Ярослав. Преградил мне дорогу. Боксер, убить бы его щелбаном.

– А давай! – согласился я. – Только учти, Хлюст, я с тобой церемониться не буду: ты меня бить, а я тебе уши отгрызу, ты меня знаешь.

– Не бойся, Ярослав... Мы его подержим... Я сам тебе уши отгрызу...

Это опять реплики в зале. Вокруг меня. Всегда знал, что в дискуссионный клуб ходит самая разнузданная публика, точно «Чугунный Батискаф».

– Рассуждаете, что зла нет – а сами меня избить собираетесь! Вместо того чтобы вести переговоры! Где правда в ваших словах?

Потягин выступил вперед, как бы закрыл меня от гнева толпы своими скудными широчайшими мышцами.

– Это не зло, – улыбнулся он приторно, как кукурузный сироп. – Это мелкие неприятности. Знаешь, как комар – с ним же переговоры не ведут? Просто прихлопывают, и все дела. Так и с тобой. А зла мы тебе совсем не желаем, даже наоборот.

– Я на вас всех с Останкинской башни плевал! – сказал я громко. – Наоборотчики!

Они стали сгущаться, батискаф-мэны. Я уже нащупывал в кармане, рядом с книгой, световую бомбу, изготовленную по рецептуре ниндзей, но тут их остановил Потягин.

– Оставьте его! – возвысил свой глас дурачок Виталий. – Оставьте его, пусть выскажется!

Толпа послушно отступила, и я взошел на помост. На трибуну не стал всходить, она для меня теперь была навсегда осквернена прикосновениями этих пернатых, поэтому встал рядом, просто так, но с достоинством.

– Вот тут Жорж Потягин пытался весьма неубедительно доказать, что зла нет. Что оно существовало раньше, да и то из-за того, что чего-то не хватало. А сейчас, когда всего хватает, когда педагогика достигла небывалых высот, когда у человечества появился целый набор ослепительных целей, сейчас зла нет. То есть оно умерло и не возродится никогда. Жорж...

– Он не Жорж! – крикнули из зала.

– Не Жорж? – я оценивающе поглядел на Потягина. – Странно... Впрочем, я не о том. Я о том, что зло на самом деле никуда не делось. Потягин нам попытался продемонстрировать, что зло было возбуждаемо лишь внешними факторами. Голод, холод, угнетение разное. Такой ползучий дарвинизм. Даже не дарвинизм, а потягивинизм! Я же утверждаю, что зло внутри! В каждом из нас!

– Ты за всех-то не отвечай... – сказал кто-то неуверенно, не заметил кто.

Остальные же молчали. Видимо, раньше никогда на эту тему не задумывались, бестолковые.

– Внутри, – повторил я. – Вот вы считаете, что человек по своей природе добр, а я считаю, что наоборот. Человек зол. Двести лет назад об этом знали даже младенцы. Знаете, какая была в двадцатом веке самая популярная шутка? Тетя или дядя брали конфетку, съедали ее, а наполненный пустотой фантик дарили ничего не подозревающему ребенку. И уже в пять или семь лет дети знали, что зло существует. И были к нему готовы.

– Ерунда! – крикнули. – Бред!

Звонко так, наверное, Октябрина Иволга.

– Не ерунда! Горькая правда! Стоит стряхнуть оковы цивилизации – и вот перед вами уже вылитый неандерталец или даже питекантроп, готовый за кусок несвежей мамонтины проломить тебе череп!

Я указал пальцем на Октябрину.

– Словоблудие! – воскликнул Урбанайтес. – Демагогия!

– Фантазии, – с превосходством сказал Потягин. – Это же Уткин...

Все засмеялись. С облегчением. Мол, это же Уткин, понятно, не судите его строго...

Я нахмурился.

– Мне слышалось, или тут употребили мою фамилию в уничижительном смысле? – спросил я.

– Ну что ты, – улыбнулся Потягин. – Никто и не думал использовать твою фамилию уничижительно. Да это и невозможно, она ведь у тебя такая... Породистая.

В зале захихикали. Нет, эти люди определенно напрашивались на покарание. Сами. Не я стремился к этому, меня вынуждали, Заратустра свидетель!

– Жаль, что тебя зовут Антон, – продолжал Потягин, фонтанируя своим остроумием. – Вот если бы тебя самого звали Жорж...

Я нахмурился еще хмурее.

– Если бы тебя звали Жорж, то сокращенно ты был бы Жуткин.

Активисты дискуссионного клуба «Батискаф» одобрительно загудели, прямо как двойные пчелы. Обрадовались так, будто путевку на Бирюзу в лотерею выиграли.

– Твои рассуждения о зле – не более чем сотрясение воздуха, – заключил Потягин. – Как говорят твои же друзья-реконструкторы – утка.

Какой-то упырь осмелился крикнуть уже почти оскорбительное «браво».

– Это не утка, – сказал я. – Это так и есть. Природа такова, ход вещей.

– Как ты можешь это доказать? – спросила Октябрина.

– Очень просто, Киви, – ответил я. – Экспериментальным путем.

Они все опять засмеялись. Какие смешливые, однако! Просто не клуб «Батискаф», а клуб «Три Поросенка»! «Ржуха», студия художественного хохота. Смеялись, крутили у виска пальцами, а в моей голове стремительно складывался План. Намечались общие контуры, связывались связи, прорезались каналы, трепет грядущих свершений гнал к вискам кровь, я смотрел на весь этот кенгурятник и улыбался, ха-ха, прямо как Стрыгин-Гималайский.

Разумеется, внутренне, нечего проявлять себя перед этими.

Дело в том, что я увлекаюсь исторической реконструкцией. Это мое хобби. Реконструирую разные интересные события. Таких, как я, достаточно много, любителей старины. Воссоздаем великие битвы, переправы через реки под ураганным огнем, штурмы городов, разное. В Индийском океане даже остров специальный такой есть, наш, раз в год там проводятся фестивали реконструкторов. Масштабные действия. Меня, впрочем, все эти героизмы не очень интересуют, я один из основателей и активный участник группы «Crash» (временно распущена). Мы реконструировали катастрофы. Я лично мастер по давкам. Ходынка, Токийская давилня, ад в Иерусалиме – все эти ужасные события были воспроизведены мною. Ну, с моей помощью.

А есть еще спецы по пожарам, железнодорожным крушениям, даже по наводнениям. Был даже мастер паники, но год назад он нарушил устав нашей группы – организовал настоящую панику по мотивам «Войны миров» Орсона Уэллса, за что и был исключен. А между тем большой был талант, многие, даже чины Карантинной Службы, поверили, что на Землю занесено мобильное бешенство, штамм В. Хотели объявлять тотальную эвакуацию, мы всем Орденом дико ржали.

Но, безусловно, вершиной всей нашей реконструкторской деятельности стал проект «Титаник». Самая роскошная катастрофа всех времен и народов, два года назад мы получили Гран-при ежегодного РФ. Тут, конечно, я не один работал, тут и Орден пришлось привлекать, даже Магистра с его связями. Почти полгода в свободное время корабль строили, ботов почти пять тысяч задействовали, роли распределяли – кто на скрипках должен играть, кто мародерствовать, кто спасти женщин и детей, кто самоубийством поканчивать – все как по-настоящему. Потом еще айсберг подходящий почти неделю искали. Но все получилось на высшем уровне. А одному из реконструкторов даже ногу оторвало! Потом целый месяц лечился!

Впрочем, я отвлекся.

Батискафцы ругались, а я уже все придумал. Чтобы их утихомирить, достал из заднего кармана антикварную «беретту», стрельнул в потолок, засыпал их пылью.

Прислушались.

– Я предлагаю эксперимент, – сказал я. – Участвуют сугубо добровольцы, те, кто чувствует в себе силу. Месяц на небольшом острове в тропических широтах. И за месяц я докажу вам, что зло – есть.

– За год не докажешь! – заявил Потягин.

– Давайте я ему в глаз все-таки дам! – Ахлюстин помял кулаки, тоже мне боец.

– Да он опять пришел просто поругаться... – это Урбанайтес.

– Давайте его самого в окно выкинем! – это Октябрина. – Проветрится в полете!

– Вы просто слабаки, – сказал я бесцветным голосом старого прожженца. – Вы знаете, что не правы, и боитесь своей неправоты. Вы вообще не имеете права именоваться дискуссионным клубом, у вас нет места здоровому спортивному спору. Трусые. Банда безвольных болтунов. Я расскажу о вас всем. Особенно...

– Хорошо.

Это сказал Потягин, Виталий – что значит жизненный. Сказал негромко, но все услышали. И замолчали разом. Лидер принял вызов. Отказаться помешали амбиции. О, ярмарка тщеславия!

– Хорошо, – повторил Потягин. – Мы принимаем вызов! Только если ты окажешься не прав...

– Я на Шпицберген уеду! – пообещал я. – На два года!

– Родители его не пустят... – возразил кто-то, утконос какой-то.

– Они у меня тоже на Шпицбергене, – сказал я. – Тоннель к центру Земли сверлят. А я здесь, не хочу в этом холодильнике жить, я не нототения. Но если я проиграю, то я на два года поеду туда. И безвылазно буду там жить! В пещерах. Обещаю!

Потягин поглядел на своих товарищей по дискурсу. Или в дискурсе, шайтан его в коромысло.

В толпе предложили отправить меня не на Шпицберген, а сразу на Плутон, а еще лучше в пояс астероидов, к релятивистам, на Риман, или к микробиологам, на Немезиду, но Октябрина возразила:

– Пойдет и Шпицберген. Шпицберген – это не курорт. Пусть тоннель копает, это неплохо. Я там была с экскурсией, больше не поеду. Твои условия?

На секунду я хотел предложить им всем сделать на спине татуировку «Тормози медленно!», но передумал.

– В случае, если выиграю я, вы переименуете свой клуб, – сказал я.

– Во что? – тут же спросили все хором.

– Потом сообщу. После.

Потягин почесал себя за ухом, совсем как Бобик. Думал так. Сказал:

– Хорошо. Клуб «Батискаф» принимает твой вызов. В чем же будет заключаться эксперимент?

– Мы отправимся на остров...

– Он нам хочет «Повелителя мух» устроить! – выкрикнула Октябрина. – Могу поспорить! У него же фантазии, как у ленточного червя!

– Никакого «Повелителя мух», Киви, – заверил я. – Это будет... Впрочем, узнаете все на месте. Или слабо?

Самураевцы-батискафовцы в возмущении выдохнули.

Я так и знал.

Глава 2

Приготовления

На подготовку ушло почти две недели.

Первым делом я связался с Великим Магистром Ордена Реконструкторов и выпросил у него территорию. На два месяца. Главный остров, конечно же, оказался занят, там как раз вовсю готовились к битве на Косовом поле-4, и пространства свободного не имелось – сплошные кони, колесницы, берсеркеры и всякая другая муть. Был занят и Резервный Остров, но Магистр был добр и любовно выделил мне Новое Побережье. Участок берега севернее дельты Ориноко. Небольшой такой, полтысячи километров. Низкие, почти холмы, горы, мелкая речка, много леса. Климат тропический, но в общем ровный, как раз то, что надо. Я слетал и остался доволен.

Кроме места, были нужны боты. Много ботов, не меньше сотни.

У Ордена Реконструкторов с ботами проблем нет. В реконструкциях они всегда участвуют в большом количестве, создают массовость. Бегают с копьями, стреляют из луков. Конечно, вместе ботов никто не хранит, никаких площадей не напасешься, а в кучи их складировать нельзя. Поэтому каждый член Ордена Реконструкторов держит у себя в гараже пару-другую, так, на всякий случай.

Пришлось связываться с соратниками, пришлось немного полетать. Через пять дней лужайка возле моего дома была густо заставлена роботами. Такой железный марш просто. Соседи глядели с удивлением, но виду не подавали. Потом ночью я подогнал грузовик и вывез всю эту армию на Побережье. Расставил их вдоль прилива, смешная штука получилась. Сюрреализм. Сюда бы какого-нибудь Деревянского, или Шубина-Валуа, они бы нарисовали, раззудили бы вдохновение. И название соответствующее прицепили бы. И сказали бы, что шедевр.

Полюбовавшись на свое творение, я отправил трех ботов чуть-чуть в джунгли, надо было кое-что подготовить, сюрприз моим соратникам, сам же отправился обратно, на континент.

Нужен был Шлоссер. Шлоссер – техник широкого профиля, тоже наш, из Ордена. Может почти все, один из тех технических гениев, которые двигают многострадальный прогресс, но только несколько не в ту сторону, в которую его требуется двигать, а сразу в разные и непредсказуемые.

Шлоссера я отыскал на Луне, он там строил какое-то хитроумное зеркало, через которое можно было лицезреть прошлое. Шлоссер помешан на мертвых цивилизациях и очень хочет посмотреть, как древние майя играют в футбол головами своих врагов, а потом жизнерадостно пьют друг друга обсидиановыми кинжалами. Такой вот этнограф.

Пришлось Шлоссеру немножечко с Луны прилететь. Два дня он ругался в джунглях, обливаясь потом и отбиваясь от москитов, перепрошивал ботов в хитром и нужном мне направлении. А ничего, пусть, он мне должен, я ему, можно сказать, жизнь спас сто сорок раз.

Закончив работу, Шлоссер, конечно же, поинтересовался – зачем в ботов прошили такие чудные программки? Я ответил, что с научными целями. Ответил, что через два лета собираюсь в Сорбонну на социопсихолога, а туда не берут без научной работы. Вот эти боты мне работу и обеспечат.

Исследование.

Эксперимент. Стану бакалавром.

Шлоссер похмыкал, пожелал мне удач, попутных ветров и вообще всяческих гипертрофий и свалил на свою дурацкую пыльную Луну, прозревать прошлое. Я выстроил ботов в шеренги, испытал. Работали как надо, все-таки Шлоссер хороший механик. Кстати, его визит

указал мне на угрозу москитов – пришлось распылить над джунглями мощный инсектицид, теперь ни один комар сюда месяц не покажется.

Сложнее оказалось с Хранилищем Флоры и Фауны. Оказалось, что семена культурных растений направо-налево не выдаются, впрочем, как и оборудование для форсирования роста. Пришлось снова обращаться к Магистру. Магистр оказался, как всегда, на высоте, у Магистра связи везде, даже в самом-самом верху, я уже говорил. Магистр тяжело вздохнул, и через три часа мне был доставлен контейнер, в котором хранились особым образом обработанные семена.

Еще два дня ушли на то, чтобы реплицировать эти семена в надлежащем количестве. Это оказалось достаточно хлопотным занятием – весь мой дом оказался завален мешкам и стал походить на какую-то древнюю колониальную лавку. Хорошо хоть родители на Шпицбергене, они бы не одобрили.

Дальше уже легче. Боты загрузили мешки в транспорт, подтвердили последние указания, и я отправил их к острову, работать. До начала эксперимента оставалась неделя, я очень надеялся, что боты успеют.

Успеют, куда они денутся.

Неделю я потратил не зря. Разыгрывал на компьютере психофантомы своих соперников, изучал их биографии, программировал синтезатор – там, на суровых берегах Южной Америки, я не хочу лишать себя привычных радостей жизни и достойного меня комфорта.

Читал много. Специальную литературу в основном. Ну и классику тоже, в ней соль. «Старшую Эдду» читал, ничего не понял.

Глава 3

Прибытие

Они прибыли точно. В четверг, в шестнадцать ноль-ноль по времени Каракаса. Я так и знал, что они придут вовремя, уверен был в этом. Стремление являться на встречу без опозданий даже на тридцать секунд – первый признак комплекса неполноценности. Пунктуальность – это тоже фобия, просто со знаком «+». Я лично люблю прибывать раньше. Минут на пять. Это...

Не буду отвлекаться.

Я сидел на берегу. В шезлонге. Тянул мятно-кокосовый лимонад, принимал воздушную ванну, думал разное.

Справа и чуть сзади от меня стоял Андрэ, бот с зонтиком из пальмовых листьев. Андрэ обеспечивал живительную тень – все-таки в это время тут несколько жарковато.

Слева располагался Андрэ. Другой Андрэ, зеленого цвета. Этот зеленый потихонечку помахивал опахалом, изготовленным опять же из пальмовых листьев, что обеспечивало равномерную конвекцию воздуха и препятствовало моему перегреву. Все радовало меня, обычного, простого человека. Погожий денек, море, воздух, предвкушение приключения, которое должно было начаться ровно через семь минут, – решительно все.

– Андрэ, дружок, подбавь мне льда, – попросил я.

И Андрэ, третий, золотистой серии, раздавил хрустальный дымящийся куб в стакан и капнул поверху мятной тинктуры, и тут же над горизонтом вспыхнула сталь, а еще через несколько секунд показался диск.

Вихрелет.

Перемещался быстро и почти не рыская, пилот хороший. Наверняка Урбанайтес. Я учился с ним в позапрошлой школе, так он все время на чем-то летал и куда-то падал – одним словом, ему бы птичкой родиться, знойным птеродактилем, а он родился Урбанайтесом, у каждого свое невезение. Икебану вот любит – к прекрасному тянется. Вихрелет пер прямо на меня, через несколько секунд завис над берегом.

Я помахал приветственно, и диск завалился на посадку.

Машина плюхнулась на пляж, в бортах образовались овальные люки, через которые на песок тут же вывалились Потягин, Урбанайтес, Ахлюстин и Октябрина Иволга.

Они мне сразу не понравились. Нет, они мне и раньше не нравились, не нравились вообще, по своей сущности, но теперь они не нравились мне и в частности. Вся четверка была обряжена в легкомысленные пляжные шорты и разноцветные рубашки, словно они явились не на социологический эксперимент, а на морской пикник. Октябрина с розовым рюкзаком. Наверное, ценные подгузники. У Потягина и Урбанайтеса тоже рюкзаки, а у Ахлюстина старомодная спортивная сумка. В сумке просматривалось что-то неудобно-квадратное, мне вдруг представилось, что это ковчежец, в котором Ахлюстин хранит прах какого-то своего пращура. Наверняка это не простой прах, а заветный, возможно, даже чудодейственный. Ковчежец был в форме такого небольшого гробика, и в важных жизненных ситуациях Ахлюстин прижимал его к груди и спрашивал совета.

Я представил еще, как Ахлюстин перед каждым боем поклоняется маленькому черному гробику, и невольно хихикнул.

У гостей, напротив, выражения лиц держались самые серьезные, было видно, что люди явились побеждать и втоптывать меня в грязь, чтобы не повадно мне было, убогому. Во всех фигурах читалось превосходство и уверенность в собственной правоте.

Я щелкнул пальцами. Боты послушно подняли мой шезлонг и поднесли к берегу.

– Добрый день, сеньоры, – приветствовал я гостей. – И сеньориты тоже, – добавил я, взглянув на нахмурившуюся Октябрину.

– Привет, – осклабился Потягин. – Ты что, больной? Перелом наглости? Ходить не можешь?

Он кивнул на ботов.

– Я? Нет, не больной...

– А почему они тебя несут?

– Они и вас скоро носить будут, – ответил я. – Ну если возжелаете.

Это сообщение несколько обескуражило моих коллег, это было видно по лицам – Ахлюстин окаменел, у Урбанайтеса дернулась щека.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Октябрина, самая, разумеется, нетерпеливая.

– Присаживайтесь, – я сделал приглашающий жест в сторону шезлонгов, – отдохните с дороги...

– Антон, хватит болтать, – нахмурился Урбанайтес. – Излагай, в чем суть твоего эксперимента, мы сюда не отдыхать прибыли.

Я кивнул ботам. Они опустили меня на песок.

– Вы чего-то опасаетесь? – спросил я у Потягина.

– С чего ты взял?

– Летающая тарелка, – я указал на вихрелет. – Хорошо летает?

– Да нет...

Урбанайтес вдруг покраснел.

– Вам не понадобятся средства эвакуации, – заверил я. – Можете отпустить свою небесную колесницу. Или все-таки опасаетесь?

Урбанайтес махнул рукой. Вихрелет зарастил люки, провернулся вокруг оси и рывком умотал в зенит.

– Так в чем суть? – Потягин просверлил меня батискафовским взглядом.

– Суть в следующем. За месяц, ну или, может быть, чуть быстрее, я сумею доказать, что зло есть. Как и договаривались. И даже не во внешнем мире, а в вас самих.

– Да ты у нас просто Ницше! – насмешливо сказал Ахлюстин. – Такие проблемы затрагиваешь!

Я зачерпнул горячий песок и стал медленно выпускать его между пальцами.

– Смею напомнить, – промурлыкал я, – смею напомнить, что спор затеяли вы. Я всего лишь покажу вам ваши истинные лица.

Потягин саркастически захолопал в ладоши, тоже мне Салтыков-Щедрин! Так и знал, что он попадется.

– И как же ты покажешь нам наши лица? – осведомилась Октябрина. – С помощью какого же такого зеркала?

Я хотел ответить ей, что с помощью кривого зеркала души, но решил воздержаться от излишних художественностей – после, пока они еще не готовы.

– Все очень просто, – сказал я. – Мы проведем некую реконструкцию. Здесь...

Я указал пальцем за спину.

– Здесь, приблизительно... одним словом, метров двести от побережья, там плантации сахарного тростника. Четыре плантации, каждая размером... С три футбольных поля примерно. Однако тростник не простой...

– Могу поспорить – он железный! – съехидничала Октябрина.

Я, смерив ее пронзительным взглядом, сказал:

– Тебе идет рубашка с кактусами, однако тростник не железный. Просто мы его немного подтянули генетически, так что теперь он отрастает за одну ночь. То есть днем вы его рубите,

ночью он отрастает. Ваша задача – зачистить свой участок за день. Кто успеет первым, тот и победил.

– И что это доказывает? – поинтересовался Потягин. – Как это сможет пробудить зло внутри нас?

– Поглядим, – уклончиво ответил я. – Если прав ты, зло не пробудится. Если прав я... Боты запрограммированы особым образом, в соответствии с историческими реалиями... Их надо стимулировать к труду. Это будет нелегко, вам, надсмотрщикам, придется хорошенько посоревноваться...

– А тебе? – вмешался Урбанайтес. – Тебе не придется посоревноваться?

– А зачем? Я и так все про себя знаю. К тому же я буду выполнять организаторские функции, буду подсказывать, что надо делать, куда, так сказать, канализировать вашу буйную энергию... Одним словом, я буду выполнять роль фазендейро.

– Ну, конечно! – Октябрина хлопнула в ладоши. – Ты, значит, фазендейро! А мы, значит, надсмотрщики?! Красота!

Я промолчал. Следовало быть спокойным и терпеливым.

– И ради чего это мы вдруг станем проявлять такую трудовую активность? – осведомился Ахлюстин.

Молодец, подумал я. Ахлюстин – это что-то, предсказуем, как монорельс, ему бы моим помощником быть в одурачивании этих болванов.

– Я думал об этом, Ярослав, – со значительным видом сказал я. – Много думал. Раньше все было просто. Тот из надсмотрщиков, который мог лучше организовать труд своих подопечных, получал большее денежное вознаграждение. Однако вас ведь материальные блага не интересуют...

– Это уж точно, – ухмыльнулся Потягин.

Я продолжал рассказывать.

– Я предполагал, что вы поучаствуете в эксперименте безо всякого вознаграждения, что вам дорога истина...

Промолчали.

– Но если вы не хотите ради истины...

Я повесил паузу.

– Если вам не дорога истина, я могу предложить вам кое-что более существенное.

Я сунул руку в карман и извлек серебристый пластиковый прямоугольничек.

– Здорово! – воскликнул Ахлюстин. – Это же...

Потягин остановил его повелительным взмахом. Потягин все-таки вождь. Во всяком случае, явно в вожди метит. Руками двигает. Осуществляет общий контроль. Наверное, будет поступать в Академию Управления, через двадцать лет будет руководить колонией где-нибудь на Япете. Скучный тип, обогнал меня на GP.

– Я, конечно, не большой знаток истории, – сказал Ахлюстин задумчиво, – но по-моему, то, что ты нам предлагаешь, называется рабовладением. Боты – это ведь рабы, да? А мы их должны заставлять рубить тростник?!

– Что?! – Урбанайтес надулся. – То-то я чувствую – тут что-то не в строку! А ты нас, оказывается, в настоящую пакость хочешь вовлечь!

– Да уж, нехорошо как-то, – подтвердил вождь Потягин. – С этической точки зрения... Это более чем сомнительно...

Но мне показалось, что Потягину в общем-то все равно. Уж больно он облизывался при виде Лунной Карты. Это я ловко придумал – Карту. Каждый из них мечтает ее получить, каждый хочет поучаствовать в Большом Споре. Каждый желает. А желания – это страсти, ключ к манипуляциям. Тем, кто ничего не желает, невозможно управлять.

– Что же тут сомнительного? – возразил я. – Ничего. Вы же разбирали ботов на уроках механики? Разбирали. Молекулярными скальпелями у них в башке ковыряли. Лужайки перед домом они стригут? Стригут. И вообще везде работают. Что же тут страшного? А победителю – Лунная Карта!

– Оставь себе свою карточку!

Это Потягин произнес с наивозможным презрением. И надрывом. Бедный, он так мечтает получить эту Карту! Участвовать в Большом Споре – это так захватывающе! Это так поднимает!

– Фазендейро, – с еще большим презрением процедила Октябрина. – Ботовладелец!

– Антошка, Антошка, пойдем копать картошку... – ядовито пробормотал Ахлюстин.

– Я так и знал, – вздохнул я. – Я так и знал, что вы откажетесь. Увы, мы не нашли взаимопонимания.

– Конечно, откажемся! – с негодованием произнес Потягин. – Какой нормальный человек согласится участвовать в рабовладельческом эксперименте!

– Да он просто псих! – Октябрина постучала себя по лбу кулаком. – Его надо дефорсировать!

Старинный жест, сейчас такими никто не пользуется, вполне может быть семейный. Потом спрошу.

– Я сейчас же вызываю вихрелет. – Урбанайтес полез в карман своих шорт.

– Успеешь вихрелет, погоди минутку...

Урбанайтес достал трансмиттер, задумчиво повертел в пальцах.

– Я, между прочим, готовился, – кивнул я в сторону леса. – Оборудование привез, сахарный тростник высадил, людей обеспокоил... Да тут одной подготовки сколько было! Одних ботов...

– Зря старался, – высокомерно покривился Потягин. – Впрочем, можешь вызвать сюда своих единомышленников. Устройте здесь какую-нибудь грандиозную чушь, восстание под предводительством Спартака, что ли, жакерию там...

Ахлюстин и Октябрина рассмеялись. Но я был спокоен. Я знал, что победа в конце концов будет за мной.

Как всегда.

– Восстание Спартака? – переспросил я. – Интересная идея, я сообщу Магистру. А пока давайте разберемся с нашими насущными зловещестями. Я хочу на всякий случай спросить – вы действительно отказываетесь?

– Действительно, – подтвердил Потягин. – Фома, вызывай вихрелет.

Я с наслаждением вдохнул воздух, свежий, по-настоящему морской, пахнувший гниющими водорослями, солью, рыбой. День был хорош. День был прекрасен. Я сказал:

– Тогда вы проиграли.

– Что?! – Октябрина уставила руки в боки, видимо, она никогда в жизни не проигрывала, серьезная девушка.

– Вы проиграли, – повторил я, – и как честные люди должны это признать.

– С чего это вдруг?! – Октябрина шагнула ко мне.

– Ахлюстин, ты, кажется, боксер? – спросил я.

– Боксер, – Ахлюстин потер кулаки. – И что? Хочешь спросить, зачем боксерам нужна голова? Не советую.

– Зачем боксерам нужна голова, и так все знают. Я о другом тебя спросить хотел. Вот если боксер не является на поединок или отказывается от поединка, то что происходит?

– Поражение ему засчитывают, – ответил Ахлюстин. – Дисквалификация. Но только...

– А вы, насколько я понимаю, отказываетесь от поединка?

Я поднял стакан с миксом. Сок выпил, лед разгрыз. Как можно более агрессивно, чтобы осколки в разные стороны полетели.

– Вы отказываетесь, и как люди благородные... – я поглядел на Потягина. – Мужественные, – повернулся к Ахлюстину. – Беспристрастные, – я кивнул Урбанайтесу. – И в высшей степени справедливые...

С этими словами я оборотился уже к Октябрине.

– И как такие люди вы должны признать, что проиграли.

– Это все демагогия! – принялась возражать Октябрина. – Он нас провоцирует...

– Проиграли, – констатировал я. – Да-да, проиграли, даже не вступив в сражение. Я ведь прав, Урбанайтес?

Я специально обратился к Урбанайтесу. Он и Потягин – вечные соперники. Конечно же, Потягин считает, что они не проиграли, амбиции не позволяют. Боксер Ахлюстин со мной уже фактически согласился, Октябрина будет за Потягина, но половина на половину – это уже победа.

– С чего это мы проиграли?! – напыжился Потягин. – Совсем не проиграли...

– Проиграли, – признал Урбанайтес. – Ярик, Жуткин дело говорит.

– А я не согласна!

Я в этом и не сомневался. Эта Октябрина всегда будет не согласна. И за это заплатится. Непременно заплатится.

– Мы проиграли, – вздохнул Ахлюстин.

Легко. Наверное, у него на ближайший месяц другие планы имелись. А тут я. А тут Лунная Карта.

– Ты прав, как Стрыгин-Гималайский, – я похлопал Ахлюстина по плечу. – А значит, вы должны выполнить мои условия...

– Я тоже не согласен! – Потягин продолжал сопротивляться. – Мы тут не боксом занимаемся, у нас все по-другому...

Я уронил бокал, Андрэ ловко поймал его в сантиметре от песка, все равно не разбился бы.

– Спасибо, Андрэ, – похвалил я бота. – Вы не согласны с тем, что проиграли. С тем, что вас ввели в заблуждение, с тем, что вы трусы...

– Мы не трусы, – возразил Урбанайтес. – Просто никто не ожидал, что эксперимент окажется таким...

– Так или иначе, – я зевнул, – условие было такое – если вы проигрываете, то переименовываем свой дискуссионный курятник... пардон, дискуссионный клуб. В противном случае я постараюсь донести до как можно большего количества людей весть о том, что члены клуба «Батискаф», то бишь Потягин, Ахлюстин, Урбанайтес и Иволга, – подлые вероломные трусы, болтуны, предатели, шкуры и вообще недостойные личности. И уж поверьте, у меня это получится.

Они переглянулись, все эти недостойные личности. И вот когда они переглянулись, я понял, что победил.

Они сомневались.

Сомнения – главный враг любого предприятия. Из-за сомнений обрушивались мировые империи, проигрывались битвы и исковеркивались судьбы.

Я почувствовал сомнения и нанес решительный удар.

– Вот и отлично, – сказал я. – Вот и славно. Вы ведете себя как взрослые, ответственные люди. Поэтому поступим проще. Завтра... хотя нет, послезавтра я привезу в ваш клуб новую вывеску, думаю, вам понравится...

Октябрина прикусила губу.

– Отныне ваш клуб будет называться по-другому. «Дубрава». Это адекватно. Этим вы компенсируете мои затраты, психические и экономические...

– Ни за что! – заявили они.

В один голос. Нет, они сказали каждый свое, но вместе получилось именно так:

– Ни за что!

Но я уже повернулся к ним спиной, уже направился к тропинке, бот Андрэ шагал справа и организовывал мне тень, бот Андрэ шагал слева и освежал меня опахалом.

– Такие эксперименты запрещены! – крикнул вслед мне Потягин. – Ты как реконструктор должен знать! Это серьезное нарушение!

– Верно, – согласился я, не оборачиваясь. – Запрещены. Социальные, психологические, медицинские эксперименты, в которых жизнь человека или его психическое здоровье подвергается опасности.

– Вот именно! – Потягин даже забежал вперед, забыв о своем величии. – Запрещены!

– Но вы сами подумайте, – продолжал я, уже обернувшись. – Если в старых экспериментах в качестве заключенных или подчиненных выступали добровольцы-люди, то у нас этого нет. Так?

– Допустим, – Урбанайтес положил руки на грудь. – Допустим...

– А чего вы боитесь? Вы, здоровые, психически устойчивые ребята? Не побоюсь сказать, элита нашей молодежи! Лучшие из лучших – дискуссионный клуб «Батискаф»! Ваше дело – рубить тростник, и все дела, ничего безнравственного.

– Что-то тут все равно не так... – прошептала Октябрина.

Я же продолжал убеждать.

– Не забывайте о том, что наш эксперимент даст чрезвычайно интересную информацию! К тому же вы можете выиграть Лунную Карту!

Еще что-то говорил. Улыбался. Размахивал руками. И они сдались окончательно.

– Мы должны посоветоваться, – сказал Потягин. – Антон, ты не мог бы оставить нас одних?

Разумеется, я оставил их одних. Отправился купаться. Заплыл на километр, лежал на волнах, качался, как дельфин, наслаждался минутами безмятежности, вполне может быть, даже последними. Скоро начнется кутерьма, скоро послышатся вопли...

Потягин махал рукой, звал меня обратно.

– Мы согласны, – сказал он, когда я вернулся.

– А я и не сомневался.

– Только мне не нравится слово «надсмотрщик», – заявил Потягин. – Оно какое-то...

Потягин затруднился в определении.

– Неприятное, – закончила за него Октябрина. – Мне тоже не нравится.

– Да-да, – присоединился Урбанайтес, – оно неправильное. Давайте будем использовать слово «начальник»!

– Ну хорошо, начальники. Значит, договорились. Фома, дай, пожалуйста, трансмиттер.

Урбанайтес протянул мне прибор. Я размахнулся и зашвырнул его в море.

– Это чтобы не было соблазна сбежать, – пояснил я.

Глава 4

Сахарный прах

Я проснулся.

Услышал море, увидел море, порадовался воде. Как показали дальнейшие события, воде я совершенно зря радовался. Вообще радоваться в жизни ничему не следует. Стоит тебе хоть чему-то порадоваться, как его тебе дается в таком безобразном избытке, что потом и смотреть не можешь.

Вода...

Но это уже совсем потом, а тогда я совершенно чистосердечно порадовался воде.

Боты почувствовали, что я проснулся, ожили. Андрэ принялся варить кофе, жарить гренки и яичницу, выжимать ананасы и готовить мой любимый соус из кедровых орехов и сливочного масла.

– Время? – спросил я.

– Четверть седьмого, масса, – ответил Андрэ. – Ванну готовить?

– Нет, Андрэ, в следующий раз. Сегодня у меня другие заботы. Принеси, пожалуйста, граммофон. И сирену.

– Слушаю, масса.

Андрэ бесшумно удалился, я же выполз из гамака. Немного попрыгал со скакалкой, принялся за завтрак. Кедровый соус получился, надо будет потом взять этого Андрэ с собой. Боты все одинаковые, однако, как ни странно, у разных серий разные способности. Одни на бала-лайках играют, другие велосипедисты, третьи готовят хорошо. Такие редко встречаются, мне повезло.

Отзавтракав и выпив кофе, я приступил к делам. Первым делом прицепил к звуковой системе граммофон, раскрутил ручку, поставил пластинку. Древний «Марш энтузиастов» – удивительно взбадривающая песня и к случаю весьма подходит.

Скрипучий марш полетел над деревьями. Когда пластинку заело, я взял микрофон и заорал:

– Подъем, лодыри! Солнце уже высоко! Потехин, Ахлюстин, Урбанайтес! Крошка Октябрина, живо ко мне! Поспешайте! Поспешайте!

Поднял с пола сирену, запустил. Сирена была еще хуже «Марша энтузиастов», она вполне могла поднять из земли стадо мертвецов, а мегафоны я развесил чуть ли не на каждом дереве.

Не зря старался. Через пятнадцать минут показались коллеги. Никаких больше рубашечек, никаких шортиков, джинсовые комбинезоны, кирзовые сапоги (еле отыскал – большая в наши дни редкость), рваные соломенные шляпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.